

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КОМИССИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТОВ

РОССИЯ, 191025 Санкт-Петербург, Невский пр., д. 53, телефон/факс: +7(812) 713-14-03, 713-15-89

ОБЗОР

практики Комиссии Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов за 2021 год

Всего за 2021г. в Комиссию Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов поступило 74 обращения, большинство из которых были связаны с недопусками к доверителям, вызовами на допросы, незаконными обысками. В большинстве рассмотренных случаев Комиссия установила факты нарушения профессиональных прав адвокатов.

Практика работы Комиссии вместе с тем показала, что адвокаты Санкт-Петербурга встречаются с нестандартными ситуациями, при которых достаточно часто возникают нарушения профессиональных прав. Предлагаемый обзор содержит краткое описание вопросов, по которым Комиссией было сделано заключение в связи с поступившими обращениями.

I. Обращения, в которых Комиссией установлены нарушения профессиональных прав адвокатов

1. Необоснованный отвод защитника является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Санкт-Петербурга поступило заявление адвоката П., в котором он сообщил о предполагаемом нарушении его профессиональных прав в ходе защиты по уголовному делу обвиняемой К.

К заявлению была приложена копия постановления об отводе защитника (в терминологии автора документа – «об отводе адвоката»), вынесенного старшим следователем следственного отдела по Невскому району Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу капитаном юстиции Р.

В мотивировочной части постановления следователь со ссылкой на статьи УПК РФ и Определения КС РФ указала на противоречивость интересов К. и еще одного обвиняемого по данному делу – А. При этом А. больше года назад был осужден по другому делу, в котором его защитником выступал адвокат П.

Цитата: «В настоящее время у органа предварительного следствия имеются все основания полагать, что адвокат П. может использовать свое

сложившееся положение с целью согласования позиций обвиняемой К. и обвиняемого А. для последующей дачи ими неправдивых показаний. Адвокату П. известна линия защиты обвиняемой К., а также обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, которые известны А., ранее являвшемуся свидетелем, в настоящее время привлеченным в качестве обвиняемого. В связи с указанным адвокат П. может манипулировать данными сведениями и исказить их, что в дальнейшем будет препятствовать оказанию им юридических услуг».

По логике следователя, необходимо «произвести отвод адвоката».

Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов АП СПб действия старшего следователя оценила как нарушение профессиональных прав адвоката П., указав, что противоречий интересов обвиняемых старшим следователем не установлено, а наличия предположения о возникновении таких противоречий в будущем недостаточно. Таким образом, основания для отвода защитника отсутствовали.

После вынесения заключения Комиссии постановление об отводе было отменено руководителем следственного органа.

2. Право адвоката на выход из адвокатского образования не может быть ограничено руководством коллегии адвокатов.

Два обращения в Комиссию от адвокатов Б. и К. были вызваны отказом адвокатского образования (коллегии адвокатов) выдать справку о прекращении членства в филиале коллегии по причине отсутствия оплаты взносов за месяц, следующий за месяцем подачи заявления о выходе. Кроме того, доступ адвокатам к офису филиала был прекращен сразу после подачи заявлений. Комиссия установила, что согласно уставу адвокатского образования адвокаты имеют право выйти из адвокатского образования, подав заявление за один месяц. По истечении месяца выписки адвокатам также не были выданы.

Комиссия не согласилась с утверждениями адвокатов о том, что они не знали о таком положении в уставе коллегии, поскольку возможность ознакомления с уставом у них была. Вместе с тем, Комиссия установила нарушение прав адвокатов, выразившееся в том, что по истечении месяца им не были выданы справки о прекращении членства в адвокатском образовании.

Факт признания нарушения профессиональных прав адвокатов Б. и К. послужил основанием для вступления коллег в другое адвокатское образование без соответствующего волеизъявления руководства коллегии.

3. Отвод защитника при отсутствии конфликта интересов в момент принятия соответствующего процессуального решения является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию обратился адвокат Н., в отношении которого было вынесено постановление об отводе от защиты обвиняемого Г. по уголовному делу.

Ранее, в этом же уголовном деле адвокат Н. участвовал в допросе свидетеля Л.

Как следует из содержания постановления об отводе защитника следователь А., рассмотрев материалы уголовного дела, установил «конфликт интересов между свидетелем обвинения по уголовному делу Л., допрошенного с участием адвоката Н., и обвиняемым Г., защиту которого адвокат Н. осуществляет». При этом следователем при принятии процессуального решения не было указано, в чем состоит конфликт интересов. В постановлении приводилась лишь ссылка на сам факт оказания юридической помощи двум лицам в рамках одного уголовного дела без анализа показаний свидетеля Л. и протоколов допросов Г.

Комиссия не согласилась с выводами и мотивами органов предварительного следствия по вопросу отвода адвоката Н. по основанию противоречия интересов Л. с интересами подзащитного Г.

Из норм уголовно-процессуального закона не следует, что решение об отводе защитника принимается исходя лишь из предположения о возможности возникновения противоречия интересов в будущем. Наличие таких противоречий должно иметь место на момент принятия решения об отводе.

Установление следователем А. противоречий интересов Л. и обвиняемого Г., в рамках уголовного дела, лишь со ссылкой на то, что Л. ранее был допрошен по делу в качестве свидетеля обвинения, и заявлен органами предварительного расследования в качестве свидетеля обвинения, не может являться достаточным основанием для отвода защитника.

Таким образом, постановлением следователя А. обвиняемый Г. был лишен возможности пользоваться услугами выбранного им защитника, чем нарушено гарантированное Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом право обвиняемого на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи, а также нарушены профессиональные права адвоката Н.

4. Склонение следователем доверителя к отказу от защитника, которое привело к требованию о расторжении соглашения, является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию поступило обращение адвоката П., в котором он указал, что между адвокатом П. и гражданкой Б. было заключение соглашения об оказании юридической помощи, по которому адвокат принял обязательство осуществлять защиту Б. в ходе предварительного следствия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя К.

Адвокат П. позвонил следователю К. и сообщил о заключении соглашения с Б. и о необходимости передачи следователю ордера. Вскоре адвокату позвонила Б. и потребовала расторгнуть соглашение об оказании

юридической помощи. Б. пояснила, что следователь К. сообщила ей, что у адвоката П., якобы, «плохая репутация», что «вся его помощь сводится к затягиванию производства по уголовному делу», что «с адвокатом П. у неё (Б.) не будет положительного результата в суде». При этом следователь К. обещала найти для Б. «более профессионального адвоката».

Адвокат П. связался со следователем К., которая не отрицал, что говорила с доверителем, и косвенно подтвердила содержание разговора.

Комиссия решила признать факт нарушения профессиональных прав адвоката П. в форме вмешательства следователя К. в профессиональную деятельность адвоката путем высказывания доверителю Б. негативного мнения об адвокате (включая обвинения в финансовой нечистоплотности), а также недвусмысленного предложения пригласить другого адвоката.

5. Требование от адвоката документов, не предусмотренных федеральным законом, является нарушением профессиональных прав.

Адвокат З. обратилась в Комиссию с сообщением о предполагаемом нарушении профессиональных прав со стороны судьи Домодедовского городского суда Московской области И., выразившемся в необоснованном возвращении кассационных жалоб по уголовному делу.

Адвокатом З. была направлена в Первый кассационный суд общей юрисдикции через Домодедовский районный суд Московской области кассационная жалоба, к которой был приложен ордер на защиту Ч. Письмом за подписью судьи И. кассационная жалоба была возвращена в связи с тем, что «в приложенном ордере отсутствовала информация, позволяющая установить полномочия адвоката на подачу кассационной жалобы». Адвокатом повторно направлена кассационная жалоба с приложением нового ордера. Судьей И. кассационная жалоба вновь была возвращена по тому же основанию.

Комиссия установила нарушение прав адвоката З., указав, что каждое конкретное полномочие, указанное в ч. 1 ст. 53 УПК РФ, не является отдельным поручением, а охватывается поручением на участие в уголовном деле в качестве защитника, и потому уголовно-процессуальный закон не требует указания адвокатом в ордере каждого из этих полномочий. Таким образом, указанное судьей И. основание для возвращения кассационных жалоб адвоката З. не предусмотрено действующим законодательством.

Также Комиссия установила, что кассационная жалоба, подготовленная адвокатом З. после отказов судьи И., была позднее подана в суд от имени самого доверителя Ч., и принята к рассмотрению. В связи с этим предшествующий двукратный необоснованный возврат судом адвокату аналогичной кассационной жалобы умаляет деловую репутацию и профессионализм защитника в глазах доверителя и создает у него ложное представление о том, что квалификация и совокупность навыков адвоката недостаточны для того, чтобы надлежащим образом оформить ордер, приложенный к направляемой в суд кассационной жалобе.

6. Предположение о недобросовестности действий защитника, в отсутствие доказательств обратного, является нарушением профессиональных прав адвоката.

Адвокат С. обратилась в Комиссию по причине привлечения ее к административной ответственности по части 2 статьи 19.3 КоАП РФ постановлением начальника ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, основанием для составления которого явилось обнаружение у адвоката в ходе контрольного досмотра при проходе на режимную территорию находящихся в портфеле флеш-накопителей.

При этом сотрудник учреждения обнаружил флеш-карты ещё до того, как адвокат С. попала на территорию следственных кабинетов следственного изолятора. Адвокат в свою очередь добровольно предоставила свои вещи на досмотр. Несмотря на соответствующие возражения адвоката в протоколе об административном правонарушении, постановление о назначении административного наказания было вынесено в тот же день.

В дальнейшем, после поступления в суд жалобы от адвоката С., постановление было отменено начальником ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Оценивая обстоятельства, Комиссия признала наличие факта нарушения профессиональных прав адвоката С., выраженных в действиях начальника ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, необоснованно привлечшего адвоката к административной ответственности, отметив следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 2.1 КоАП РФ административное взыскание может быть наложено только в том случае, когда установлена вина правонарушителя. Диспозиция части 2 статьи 19.3 КоАП РФ предполагает вину только в форме умысла. Между тем, каких-либо доказательств, подтверждающих неповиновение адвоката С. законному распоряжению сотрудника учреждения ФСИН, не было собрано, постановление было вынесено без выяснения данного обстоятельства. Сам по себе факт «добровольной» отмены постановления начальником ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области подтверждает его необоснованность.

Комиссия пришла к выводу, что привлечение адвоката С. к административной ответственности не имело под собой каких-либо объективных оснований, администрация следственного изолятора не только проявила по отношению к адвокату излишнюю бдительность, но и использовала при этом необоснованные меры воздействия, умалившие принцип добросовестности адвоката.

В связи с чем Комиссия также обратила внимание УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на недопустимость проявления по отношению к адвокатам чрезмерной подозрительности, недоверия и предвзятости.

II. Обращения, в которых Комиссией не установлено нарушений профессиональных прав адвокатов

1. Действия контрагента адвоката не могут считаться нарушением профессиональных прав, если адвокат действовал вне рамок адвокатской деятельности.

Между адвокатом И. как исполнителем и ООО (Обществом) как заказчиком было заключено «адвокатское соглашение по оказанию юридической помощи». В соответствии с данным соглашением, адвокат взял на себя обязанность представлять интересы Общества в суде общей юрисдикции. Соглашением было предусмотрено, что в случае взыскания по гражданскому делу денежных средств заказчик выплачивает исполнителю «премию» в размере 50% от присужденной судом суммы денежных средств. Решение суда состоялось в пользу Общества. Однако Общество «премию» адвокату не выплатило, что послужило основанием обращения адвоката с исковым заявлением о ее взыскании в районный суд, решением которого в иске И. было отказано. При этом встречное исковое заявление Общества о признании недействительным пункта соглашения о выплате премии удовлетворили.

Адвокат И. полагал, что вышеуказанным решением нарушены его профессиональные права, поэтому обратился в Комиссию Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов.

Комиссия не установила нарушение профессиональных прав адвоката, поскольку в представленном «адвокатском соглашении по оказанию юридической помощи», заключенном между И. и Обществом, отсутствуют существенные условия, в частности, указание на статус адвоката, принадлежность к палате и адвокатскому образованию, указан счет не коллегии, а физического лица, при этом оплата адвокату производилась на данный счет. Из текста судебного акта следует, что И. участвовал в судебных процессах по доверенности, без ордера. Наконец, сам адвокат в последовавшем споре с Обществом не ссылается на нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Комиссия пришла к выводу, что в данном случае адвокат И. оказывал юридические услуги как обычный гражданин, то есть вне рамок адвокатской деятельности, что исключает возможность нарушения его профессиональных прав.

2. Удаление адвоката с процессуального действия, участником которого он не был, не является нарушением его профессиональных прав.

В своем обращении в Комиссию адвокат С. просил признать нарушенными его профессиональные права по нижеследующим причинам.

По мнению адвоката С., он был незаконно удален со следственного действия (обыска), из помещения организации, в котором он обсуждал с другим адвокатом действия по оказанию помощи доверителю.

При изучении материалов обращения, опросе самого С., Комиссия установила, что С. не являлся и не должен был являться участником обыска, проводившегося в помещении организации (в нем участвовал другой адвокат). При этом сам заявитель прибыл для участия в допросе одного из работников предприятия, т.е. в ином процессуальном действии, которое позже состоялось с его участием. Выписанный ордер содержал сведения об оказании юридической помощи свидетелю и был предъявлен адвокатом С. следователю только перед началом допроса.

При таких обстоятельствах Комиссия не усмотрела нарушения профессиональных прав адвоката С.

III. Обращения, в которых Комиссией установлено нарушение интересов адвокатского сообщества

1. Произвольное истребование следователем сведений об адвокате, составляющих охраняемую законом тайну, является нарушением прав адвокатского сообщества.

В Адвокатскую палату Санкт-Петербурга из Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации поступило обращение гражданина Э. в защиту прав адвоката С.

Э. указал, что адвокат С. осуществлял его защиту на стадии предварительного следствия по уголовному делу. Э. было предъявлено обвинение, и в день начала ознакомления с материалами дела адвокат С. почувствовал ухудшение состояния здоровья, незамедлительно обратился за медицинской помощью, о чем уведомил следователя К., а также направил подтверждение обращения за оказанием медицинской помощи – заключение врача-консультанта М.

Впоследствии следователь К. истребовала у медицинского учреждения и приобщила к материалам уголовного дела выписку из медицинской карты адвоката С., а также провела допрос врача М., которая дала подробные свидетельские показания об истории болезни адвоката С., поведала о его медицинском диагнозе, характере его лечения, а также рассказала об обстоятельствах обращения.

Э. предположил, что в описанной ситуации нарушены профессиональные права адвоката С. следователем К., раскрыта медицинская тайна пациента, поскольку данные документы доступны всем лицам, которые знакомы с материалами уголовного дела.

Адвокат С., приглашенный как заинтересованное лицо, выразил мнение о том, что вышеуказанные действия следователя по истребованию медицинской документации о состоянии здоровья адвоката и допросу его лечащего врача не основаны на законе, нарушают его право на неприкосновенность частной жизни и медицинскую тайну. Указал, что о

факте допроса лечащего врача и истребовании медицинских документов ему стало известно существенно позже произошедших событий, при ознакомлении с материалами уголовного дела в суде. Ему было «неприятно», но это не повлекло лично для него никаких негативных последствий, ни в личном, ни в профессиональном плане.

Комиссия признала отсутствие факта нарушения следователем К. профессиональных прав адвоката С., ввиду того, что действия следователя К. не повлекли какие-либо последствий в виде невозможности исполнять свои профессиональные обязанности в качестве защитника, и не создали иные препятствия в осуществлении им адвокатской деятельности. Так, адвокат С. не был отведен, принудительно заменен, либо иным образом незаконно отстранен от защиты Э., а его отсутствие на следственных действиях объясняется уважительной причиной – болезнью. Защиту Э. в дни болезни С. осуществляли другие адвокаты по соглашению.

При этом Комиссия отметила, что следователем К. фактически создан опасный прецедент, когда под предлогом «установления истины по делу» (цитата из постановления следователя) были легально проведены следственные действия в отношении адвоката-защитника, то есть процессуального оппонента, заведомо не имеющего никакого отношения к расследуемому преступлению.

Комиссия пришла к выводу, что произвольное получение документов, содержащих врачебную тайну, открывает возможность для широких злоупотреблений с использованием охраняемых законом сведений, что с большой вероятностью ставит лиц, чья тайна оказывается под угрозой разглашения, в невыгодное, потенциально зависимое положение.

При таких обстоятельствах действия следователя К., состоящие в истребовании медицинских документов о состоянии здоровья адвоката С. и приобщении к материалам уголовного дела, а также допросе в рамках уголовного дела лечащего врача адвоката С. – М., признаны представляющими угрозу независимости института адвокатуры, поскольку не только нарушают предусмотренное статьей 23 Конституции РФ право на неприкосновенность частной жизни и личную тайну, но и создают предпосылки для формирования практики произвольного сбора и распространения информации, составляющей медицинскую тайну адвокатов.

2. Выдача неизвестным лицом себя за определенного адвоката может подорвать доверие к адвокатской корпорации в целом.

Адвокат М. обратился в Комиссию о защите профессиональных прав в связи с тем, что ему стало известно о попытке некоего лица совершить вероятные противоправные действия с использованием поддельного удостоверения адвоката М. То есть в городе завелся «двойник» М., который оказывает юридические услуги от имени адвоката М.

Жительнице Сочи понадобилась юридическая помощь в Санкт-Петербурге. Через рекламу в интернете она нашла человека, который представился адвокатом Санкт-Петербургской палаты, назвав фамилию М.,

назвал заказчице цену своих услуг и предложил без заключения соглашения перевести деньги на карту. Поскольку лично увидеться они не могли, «адвокат» выслал фото своего удостоверения. Жительница Сочи решила проверить, действительно ли этот человек тот, за кого себя выдаёт. В интернете она нашла телефон адвоката с данными, которые были указаны в удостоверении, и позвонила ему. По телефону ей ответил уже сам адвокат М. Он заявил, что никогда не слышал о её деле. Тогда женщина прислала фото удостоверения, которое получила от двойника, в котором были указаны ФИО, реестровый номер адвоката М., но остальные реквизиты не соответствовали действительности.

После данного разговора адвокат М. обратился в палату – он посчитал, что ситуация может привести к нарушениям его профессиональных прав. В Комиссии с этим согласились частично, установив, что профессиональные права самого адвоката М. не были нарушены, но действиями неизвестного лица, направленными на подрыв доверия к адвокату, создана угроза нарушения прав адвокатского сообщества.

3. Создание и использование фиктивного сайта от имени определенного адвокатского образования может подорвать доверие к адвокатской корпорации в целом.

В Комиссию обратилась адвокат А., управляющий партнер адвокатского бюро. В заявлении она сообщила о совершении неизвестными лицами противоправных действий с использованием сайта legal-sovet.online, якобы принадлежащего адвокатскому бюро. О существовании этого сайта адвокат узнала из поступившего из правоохранительных органов запроса, из которого следовало, что от имени бюро заключен договор на оказание юридических услуг с гражданкой К., а также поступившей от другой обеспокоенной отсутствием исполнения соглашения гражданки жалобы на лжеадвокатов с того же сайта.

На фиктивном сайте были размещены достоверные сведения о наименовании адвокатского бюро и о его местонахождении. Вместе с тем, адрес электронной почты и номер телефона адвокатского образования на сайте не соответствуют действительности, а под фамилией управляющего партнёра размещена фотография иного лица. Также на указанном сайте в разделе «Наша лучшая команда специалистов» размещены фотографии и данные других семи адвокатов с указанием их реестровых номеров. Данные лица не состоят в адвокатском бюро, но при этом данные большинства из них совпадают с данными членов адвокатских палат иных субъектов РФ.

Рассмотрев обращение, Комиссия установила в действиях неустановленных лиц, создавших и использующих сайт от лица адвокатского бюро факт нарушения не только профессиональных прав адвоката А., но и констатировала факт угрозы нарушения интересов адвокатского сообщества, поскольку такие действия направлены на подрыв доверия к адвокатам.